

А.А. Клаус

Наши колонии

**Опыты и материалы по истории и статистике
иностранной колонизации в России**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.А. Клаус**
Наши колонии: Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России / А.А. Клаус – М.: Книга по Требованию, 2023. – 566 с.

ISBN 978-5-4241-0998-0

ISBN 978-5-4241-0998-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	v
Введеніе	1
I. Общій обзоръ иностранной колонизаціи.	4
II. Колонія Радичевъ	24
III. Колонія Сарепта	56
IV. Меннониты	101
V. Порядки наслѣдованія	229
VI. Страхованіе строеній и пожарная часть	246
VII. Волостные банки	250
VIII. Задунайскіе переселенцы	291
IX. Духовенство и школы	376

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Поэма офицера-колониста Платена.	1
II. Вѣдомость о колоніяхъ иностранныхъ поселенцевъ, основанныхъ на земляхъ по надѣлу отъ казны и состоящихъ въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ	9
III. Таблица о движеніи народонаселенія въ колоніи Сарептѣ за первые 100 лѣтъ ея существованія	45
IV. Вѣдомость о числѣ семействъ и душъ поволжскихъ колонистовъ по 5, 6, 7, 8, 9 и 10-й народнымъ переписямъ, по губерніямъ, уѣздамъ, округамъ и отдѣльнымъ колоніямъ	46
V. Два донесенія статскаго совѣтника Контеніуса 8 мая 1806 и 7 октября 1808 года о разстроеномъ положеніи бѣловѣжскихъ колоній	60
VI. Правила выдачи ссудъ колонистамъ южной Россіи изъ «капитала виннаго откупа».	71
VII. Статистическая таблица о состояніи колоній, «подвѣдомыхъ попечительному комитету объ иностр. посел. южнаго края Россіи», за 1841 годъ	75

	стр.
VIII. Положеніе молочанско-меннонитскаго братства объ опекуномъ управленіи и раздѣлѣ наслѣдственныхъ имуществъ	77
IX. Форма ипотечной книги въ колоніяхъ	82
X. «Записка», приложенная къ Высочайшему рескрипту 21 мая 1816 года въ руководство «полномочному намѣстнику къ образованію правленія Бессарабской области».	84
XI. Положеніе сельско-хозяйственныхъ комисій въ колоніяхъ	95
XII. Планы коловій: а) южной Россіи, вѣдомства попечительнаго комитета, въ Одессѣ, и б) поволжскихъ, вѣдомства конторы иностранныхъ поселенцевъ, въ Саратовѣ	103

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящую книгу мы предположили издать двумя выпусками. Въ предлагаемый нынѣ первый выпускъ вошли, по преимуществу, очерки нашей иностранной колонизаціи, уже болѣе или менѣе извѣстные публикѣ ¹⁾. Очерки эти нами исправлены и во многомъ дополнены; впервые же являются въ печати статьи: «Порядки наслѣдованія», «Страхуваніе строеній и пожарная часть», «Волостные банки», «Задунайскіе переселенцы» и приложенія. Слѣдующій выпускъ, говоря вообще, будетъ имѣть предметъ болѣе или менѣе обстоятельный обзоръ бытовыхъ условій нашихъ «нѣмецкихъ» (протестантскихъ и католическихъ) колоній южной Россіи и Поволжья; сопоставленіе ихъ, отдѣльными группами, между собою и съ меннонитами; возможно наглядное описаніе дачъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ колоній по подворно-наслѣдственному распредѣленію полей и угодій, съ объясненіемъ системы хозяйства; попытки въ Поволжьѣ перейти отъ періодически повторяющихся, полудшно уравнительныхъ передѣловъ земель къ подворно-участковой системѣ; общіе выводы объ относительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ разсмотрѣнныхъ нами различныхъ общинныхъ порядковъ; и наконецъ, соображенія о возможности примѣненія опыта колоній въ дѣлѣ колонизаціи и экономическаго устройства нашего сельскаго состоянія.

Большая или меньшая извѣстность содержанія перваго выпуска—съ одной стороны, а съ другой—спеціальность самаго предмета, два условія, въ виду которыхъ авторъ не льститъ себя надеждою на обширный кругъ читателей. Слѣдовательно, съ коммерческой точки зрѣнія, настоящее изданіе принадлежитъ едва-ли не къ разряду «неблагодарныхъ» предпріятій. Еще менѣе авторъ вправе претендовать на извѣстность и заслуги литератора; самую скромность его въ этомъ отношеніи—нельзя признать заслугою. Наконецъ, единственная среда, любопытство которой затрогивается непосредственно, масса нашихъ колонистовъ, еще слишкомъ мало ознакомилась съ русскимъ языкомъ, и на столько хорошо *знаетъ* свои собственные распорядки, нужды и чаянія, что писать и печатать *по-русски* собственно для нея равнялось бы едва-ли не толченію воды. Итакъ, чему же именно обязана книга сво-

¹⁾ «Вѣстникъ Европы» 1868 г., т. I, II, III и IV «Сектаторы-колонисты». Тамъ же 1869 г. т. I и II «Духовенство и школа въ нашихъ нѣмецкихъ колоніяхъ».

имъ появленіемъ?.. вотъ вопросъ, на который признаемъ не лишнимъ дать отвѣтъ.

Поселенія у насъ иностранцевъ-земледѣльцевъ, въ массѣ, предпринимались не съ одностороннею цѣлю — занять осѣдло «пустующія» земли и окраины имперіи. Поселенія эти, какъ впрочемъ впервые высказано правительствомъ только въ 1804 г., имѣли еще *культурно-образовательное* назначеніе. Что первая цѣль вполнѣ достигнута, въ томъ нагляднымъ доказательствомъ служатъ сами же колоніи и болѣе или менѣе цвѣтущее положеніе ихъ. Не можетъ быть разнорѣчія и въ томъ, что примѣръ колоній мало оказалъ вліянія на ихъ туземныхъ сосѣдей, хотя, всматриваясь ближе въ дѣло, слѣды *обоюднаго* воздѣйствія неоспоримы, особенно въ мѣстностяхъ, колонизированныхъ и раньше, и при болѣе или менѣе общихъ съ русскимъ крестьяниномъ бытовыхъ условіяхъ; какъ напр. въ Поволжьѣ. Однако во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что правительство ожидало въ этомъ направленіи несравненно большаго; и русское общество конечно не ошибается, положительно высказывая эту мысль съ того недавняго, впрочемъ, времени, какъ изъ безгласнаго—оно сдѣлалось полугласнымъ. Но крѣпко заблуждаются иные, ставя колонистамъ въ вину малое вліяніе ихъ на культурный бытъ сосѣдей и приписывая такой неуспѣхъ исключительно изолированному или, что тоже, привилегированному положенію колоній. Такія разсужденія на столько же логичны и справедливы, какъ еслибъ кому вздумалось обвинять солнце, что оно, освѣщая и согрѣвая нашу планету, не содѣйствуетъ однако произрастанію и въ нашемъ поясѣ апельсиновъ и лимоновъ. И въ самомъ дѣлѣ, сколько потребовалось бы перемѣнъ въ физическихъ условіяхъ нашей планеты, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и въ цѣломъ строѣ нашей солнечной системы, для того только, чтобы произрастаніе апельсиновъ и лимоновъ въ Россіи сдѣлалось также удобнымъ и естественнымъ, какъ въ Малой Азіи!.. Отвѣтомъ на возгласы подобныхъ ревнителей-патріотовъ могутъ быть, съ одной стороны, наши коренные реформы, альфою и омегою которыхъ служить политико-соціальное и экономическое *устройство нашихъ сельскихъ состояній*, а съ другой — внутренній бытъ колоній, ихъ общественные и поземельные распоряжки, въ основѣ которыхъ всегда лежали коренныя начала, сдѣлавшіяся *только въ последнее время* общимъ достояніемъ всего сельскаго состоянія имперіи. Еслибы наши колоніи нынѣ обратить въ барскія вотчины, въ крѣпость, то, само собою онѣ оказались бы вновь «изолированными», новымъ *status in statu*, и, конечно, не вслѣдствіе какихъ либо тенденціозныхъ, сепаративныхъ стремленій самаго населенія, а единственно только въ силу рѣзкихъ противорѣчій ихъ политико-гражданскаго и вотчинно-экономическаго быта съ свободнымъ, рационально осмысленнымъ и разумно организованнымъ строемъ окружающей жизни. Пора

же, кажется, честно и откровенно сознаться, а сознавши, и признать тотъ неоспоримый фактъ, что нельзя ожидать прочныхъ политическихъ, социальныхъ и экономическихъ успѣховъ тамъ, гдѣ, въ глазахъ распорядителей и руководителей народнаго труда, рабочій людъ *de jure* и *de facto* представляется лишь чѣмъ-то въ родѣ механической рабочей силы, нуждающейся въ нашей заботѣ едва-ли не меньше рабочаго скота. «Мы, южные хозяева, говоритъ г. Палимпсестовъ ¹⁾—съ каждымъ поколѣніемъ низводимъ нашъ скотъ въ худшее и худшее положеніе. И не мудрено: зимой — солома и безпріютность отъ разрушительныхъ вліяній климата; лѣтомъ, при тяжолыхъ трудахъ обработки земли или передвиженія тяжестей,—подножный кормъ, не рѣдко состоящій изъ сухихъ, мелкихъ, даже трудно-сѣдобныхъ травъ и пыли. Этого мало: посмотрите на наши водопой — въ запрудахъ, гдѣ вмѣсто воды скотъ пьетъ тинистую прогнившую влагу. И какъ будто бы нѣтъ средствъ сдѣлать изъ этой же воды—здоровое питье! А вѣдь это тотъ скотъ, вымя котораго дала намъ все, что мы имѣемъ. Правда, были и есть у насъ хозяева, которые желали обзавестись какими нибудь лучшими породами скота; но эти улучшенныя породы, кое-гдѣ сохранивши лучшія свои типическія черты, при худыхъ кормахъ, при небрежномъ уходѣ, при грубомъ обращеніи съ ними, скоро сравнивались съ туземнымъ скотомъ, представляющимъ намъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Грустно и т. д.». Конечно грустно, скажемъ и мы; но какія же чувства должны волновать насъ при сознаніи, что небольшой перифразъ приведенной тирады далъ бы намъ вѣрную и во всякомъ случаѣ еще болѣе безотрадную картину политико-соціального и экономического положенія массы нашего рабочаго люда, сельскаго и городского, за цѣлый рядъ вѣковъ?..

Не колонисты, не сознательное будто бы стремленіе ихъ къ изолированію, и не какъ бы тенденціозное нерасположеніе ихъ къ общенію съ туземнымъ населеніемъ — причиною тому, что интеллигентные и хозяйственные успѣхи колоній не обнаружили доселѣ тѣхъ культурно-образовательныхъ результатовъ, которыхъ надѣялись отъ нихъ и правительство, и общество. Виноваты... но стѣитъ ли говорить дальше?..

По нашему мнѣнію, если признать за нашими колоніями культурно-образовательную миссію, въ смыслѣ практически приложимыхъ у насъ результатовъ, то эта миссія наступила только недавно. И она не замедлитъ оказать свое вліяніе, какъ скоро *мы сами*, изучивъ причины и условія успѣха колонистскихъ водвореній, въ дѣлѣ сельскаго устроенія воспользуемся ихъ примѣромъ, ихъ опытами, которые въ то же время наши собственные опыты, купленные притомъ весьма не дешево.

¹⁾ «Сборникъ статей о сел. хоз. юга Россіи». Одесса, 1868 г., стр. 53.

Зная бытовыя условія, въ которыхъ цѣлые вѣка вращался, а отчасти и теперь еще купается нашъ крестьянинъ, никто не обвинитъ его въ неумѣлости и нежеланіи перенять отъ сосѣдей-колонистовъ то, что у нихъ хорошо и что было бы желательно встрѣтить повсюду въ нашихъ селахъ и деревняхъ. Будь нашъ крестьянинъ геніяленъ во всевозможныхъ отношеніяхъ; будь онъ гигантъ по энергіи, настойчивости и силѣ, но связанный, опутанный по рукамъ и ногамъ, онъ могъ думать объ усвоеніи иныхъ, лучшихъ порядковъ, только порвавши эти путы. Гдѣ же тутъ было время вдумываться въ колонистскіе порядки?.. И какая же могла быть у него возможность перенимать, усваивать эти порядки даже при самомъ усердномъ желаніи съ его стороны?...

Но, спросили бы мы господъ, выступающихъ обвинителями колонистовъ, сами ли они серьезно подумали о томъ, что иностранная наша колонизація есть фактическій, вѣковой овытъ русскаго же правительства, опытъ пракческаго примѣненія, какъ сказано, тѣхъ самыхъ коренныхъ началъ, которыя съ недавняго времени ложатся въ основу крестьянскаго устройства?.. Приходила ли нашимъ ревнителямъ, хотя разъ, на умъ серьезная мысль о полезности убѣдиться — при какихъ условіяхъ, какіе именно получены результаты, гласящіе въ колоніяхъ о неустройствахъ, или же о богатствѣ и благоустройствахъ?.. И въ чемъ же причина, что и до сего времени именно эти послѣдніе результаты, именно эти логическія послѣдствія болѣе или менѣе неуклоннаго приложенія къ жизни общихъ нынѣ началъ сельскаго устройства возбуждаютъ во многихъ не любознательность, не пылливый анализъ, а почти одну лишь непріязнь и нерасположеніе?.. Или для насъ было бы утѣшительнѣе встрѣтить въ нашихъ колоніяхъ и теперь еще ту же нищету, ту же распущенность, какими онѣ отличались въ первые годы текущаго столѣтія, состоя даже *на полной льготѣ въ податяхъ и повинностяхъ*?.. И на сколько же могла бы считаться основательно вѣра *въ дѣйствительность* улучшенія быта нашего крестьянина, еслибъ основныя начала его нынѣшняго устройства, даже при наиболѣе льготномъ примѣненіи ихъ въ колоніяхъ, не дали здѣсь именно того, что дали?..

А русское общество и представители его экономическихъ интересовъ?.. Какія же *они* дѣлали попытки къ толковому, всестороннему ознакомленію себя съ бытомъ нашихъ колонистовъ; съ условіями, или вѣрнѣе, *системою первоначальнаго водворенія и дальнѣйшаго развитія колоній*?.. Не говоря о дилетантахъ, даже спеціалисты-хозяева, политико-экономы, императорское вольно-экономическое общество и т. д., и т. д., — развѣ пытались они завязать и поддерживать правильныя сношенія съ колоніями; иначе, развѣ содѣйствовали они сближенію съ русскимъ обществомъ, съ его нуждами и интересами, нашихъ колонистовъ?.. А между тѣмъ, уже годы и годы почти

въ каждой колонистской волости дѣйствуютъ правильно организованныя «общества сельскаго хозяйства», дѣлаются разнаго рода опыты, наблюденія, изслѣдованія по хозяйству, и т. д.

Ставя этотъ упрекъ, мы должны однако оговориться въ пользу нѣкоторыхъ дѣятелей «Импер. общ. сел. хоз. южной Россіи». Въ «Сборникѣ» г. Палимпсестова, многія страницы свидѣтельствуютъ о вниманіи къ хозяйственному положенію колоній, дѣлая указанія между прочимъ и на ихъ примѣры. Тѣмъ не менѣе, изъ того же сборника мы вполне убѣждаемся, что эти примѣры и указанія мало повліяли, какъ на владѣльческія хозяйства, такъ еще менѣе на хозяйство крестьянъ. Но развѣ виноваты въ этомъ колонисты, а не наше собственное невѣжество, наши же недавнія безобразныя отношенія къ рабочей массѣ, лишонной политической свободы и гражданской полноправности при полнѣйшемъ экономическомъ хаосѣ?..

Къ сожалѣнію, замѣченныя нами отношенія къ колоніямъ огромнаго большинства интеллигентнаго русскаго общества, въ смѣслѣ его *самодѣятельности*, остаются пока прежнія. А потому одна изъ цѣлей нашего труда — пошатнуть эту апатію, возбудивъ интересъ въ обществѣ къ его собственному вѣковому опыту, къ способамъ практическаго примѣненія его же собственныхъ началъ, тѣхъ началъ, на которыхъ базируется вся будущность Россіи.

Этого однако мало. Реформы нынѣшняго царствованія, переустроивая за конодательнымъ путемъ весь государственный организмъ, не привели еще къ изданію особаго «сельско-судебнаго устава», столь необходимаго въ видахъ правительнаго теченія дѣлъ общественнаго самоуправленія въ нашихъ сельскихъ и волостныхъ обществахъ. Такое замедленіе объясняется однако тѣмъ, что сельско-судебный уставъ долженъ содержать исключительно одни постановленія нормальныя, а не временныя, переходныя. Но переходное время близится къ концу; необходимо подвести итоги, которые составятъ содержаніе ожидаемаго устава. Поэтому желательно придти къ полному уясненію нѣкоторыхъ, спорныхъ до сего времени, коренныхъ вопросовъ сельскаго устроенія; а однимъ, и едва ли ни важнѣйшимъ, изъ этихъ вопросовъ представляется *форма крестьянскаго землевладѣнія*, вопросъ о превосходствѣ общиннаго принципа предъ личнымъ. Преобразовательное законодательство только робко, нерѣшительно коснулось *поземельныхъ* распоряжковъ крестьянъ. Земля, правда, дана крестьянамъ, но нѣтъ пока *положительной организаціи внутреннихъ поземельныхъ распоряжковъ* нашихъ селъ и деревень. *Обычай*, это во многихъ отношеніяхъ вполне почтенное наслѣдіе отцовъ, не можетъ и не долженъ оставаться *единственнымъ* регуляторомъ въ такомъ дѣлѣ, къ которому приводятся и отъ котораго исходятъ всѣ ткани общественнаго организма; въ дѣлѣ, какимъ являются въ земледѣльческой общинѣ ея внутреннія распорядки по

землѣ. Обычай, какъ несомнѣнный остатокъ стихійной жизни, по мѣрѣ поступательнаго движенія общества долженъ подвергнуться анализу законодателя. Служа отчасти прецедентомъ для нормированія семейно-экономическихъ основъ общества, онъ уступаетъ наконецъ мѣсто *положительному закону* тамъ, гдѣ народъ и, во главѣ его, законодательство стремятся къ жизни сознательной, къ подчиненію себѣ ея агентовъ физическихъ и нравственныхъ. Знаменитое *laisser faire, laisser passer*, примѣняемое слишкомъ долгое время даже и тогда еще, когда вопросъ рѣзко поставленъ и наукою и жизнью, искупается народомъ обыкновенно вѣковыми страданіями. Вотъ почему *окончательное устройство по землѣ* нашего сельскаго состоянія, а въ тѣсной связи съ нимъ, и *организацію поселянскаго выборнаго суда* примѣнительно къ общимъ началамъ и формамъ новаго судоустройства, мы не переставали считать и теперь еще считаемъ за вопросъ открытый, очередной, каковымъ у насъ пока остается еще вопросъ объ установленіи *раціональной колонизаціонной системы*. Эти вопросы, наряду съ вопросами о *народномъ образованіи, волостныхъ банкахъ, продовольствіи, страхованіи, опекахъ* и т. д., болѣе или менѣе солидарны. На запросы по всѣмъ этимъ предметамъ опытъ нашихъ колоній можетъ дать отвѣты, если, быть можетъ, и не вполне удовлетворительные, то во всякомъ случаѣ весьма и весьма поучительные. Съумѣли же мы эту разнородную смѣсь заграничныхъ пришельцевъ, эти во многихъ случаяхъ буйные, безпутные и всегда почти обнищавшіе подонки всякихъ національностей и культуръ, организовать въ самомъ началѣ ихъ поселенія такъ, что подчиняясь *установленной закономъ системѣ*, они, путемъ нормальнаго хода жизни и мірскаго самоуправленія, выработали изъ себя цвѣтущія общины трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и промышленниковъ. Неужели и почему же именно только съ нашимъ собственнымъ крестьяниномъ, даже при нынѣшнихъ, несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нельзя бы намъ достигнуть того же, хотя бы приблизительно того, чего добились у иностранныхъ поселенцевъ?

Необходимо твердо помнить, что однородныя явленія вызываются исключительно однородными же, основными причинами и условіями. Слѣдовательно, чего достигли въ колоніяхъ, то самое можно, даже слѣдуетъ поставить себѣ цѣлью и при устройствѣ и колонизаціи русскихъ крестьянъ. Исключительныхъ, вѣчныхъ привилегій тутъ уже не требуется; нужны временныя лишь *льготы, разумная фискальная система, удобопонятно и обстоятельно кодифицированный сельско-судебный уставъ*, а въ новыхъ водвореніяхъ болѣе щедрый, болѣе *предусмотрительный и дальновидный первоначальный* земельный надѣлъ, но главное — систематическое веденіе колонизаціоннаго дѣла, т. е. правильная, закономъ установ-

ленная, вполне согласованная съ хозяйственными условіями колонизируемой мѣстности, *организація общинъ въ самомъ началѣ поселенія*.

И все это потребуется едва-ли не въ ближайшемъ будущемъ, вслѣдъ за 19 февраля 1870 г. Было бы слишкомъ рискованно успокаивать себя мыслью, что «нечего хлопотать о принятіи какихъ либо мѣръ для уменьшенія переселенія, такъ какъ законъ все предусмотрѣлъ», ставя крестьянина въ такое положеніе, что «послѣ 1870 г. ему невозможно будетъ подняться съ своего мѣста—такъ трудно для него удовлетворить всѣмъ условіямъ, выполненія которыхъ законъ требуетъ отъ желающихъ переселиться—прежде переселенія». «Дворяне, прибавляютъ оптимисты, могутъ быть спокойны: крестьянинъ крѣпко привязанъ къ землѣ закономъ». Все это такъ, по крайней мѣрѣ съ легальной точки зрѣнія, въ смыслѣ буквы закона. Но здѣсь упускаютъ изъ виду самую жизнь, «темную» массу, главнѣйшимъ руководителемъ которой въ вопросахъ, подобныхъ вопросу о переселеніи, является не буква закона, а инстинктъ исканія «лучшей доли», желѣзная неумолимая нужда. Этотъ инстинктъ, изощренный и поддерживаемый несомнѣнно непомѣрною тягою надъ крестьянствомъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и повинностей, весьма легко можетъ стать выше указываемыхъ законодательныхъ гарантій и на очереди будутъ «волненія, экзекуціи, насильственные водворенія, и т. д.» Какъ-то странно читать приведенныя оптимистскія увѣренія въ отчетахъ дворянскаго собранія, того собранія, которое въ то же время высказывало столько заботъ о предоставленіи ему «завѣдыванія опеками», и представители котораго, во главѣ земства, не нашли даже возможнымъ *остаться* при прежнемъ постановленіи земства о обращеніи уѣздныхъ и губернскихъ, нынѣ крестьянскихъ натуральныхъ повинностей — въ повинность *обще-земскую, денежную*. По нашему убѣжденію, не крестьянинъ долженъ быть привязанъ къ землѣ, а напротивъ, данную крестьянству землю слѣдуетъ безповоротно закрѣпить за цѣлымъ состояніемъ сельско-рабочаго люда имперіи—выгодностью для него ея хозяйственной обработки. Тогда уже сами-собою родятся въ нашихъ сельчанахъ и любовь къ собственному очагу и привязанность къ своему полю. При нынѣшнемъ же положеніи дѣла слѣдуетъ помнить, что помимо всякихъ ограничительныхъ условій, законъ призналъ однако принципъ *свободнаго* переселенія послѣ 19-го февраля 1870 года, принципъ, искони вошедшій въ плоть и кровь русскаго человѣка, какъ главнѣйшій въ его глазахъ признакъ личной свободы и гражданской полноправности поселянъ. И если неминуюемо предстоящая намъ при такихъ условіяхъ колонизація русскихъ людей на свободныхъ земляхъ и территоріяхъ поведется по прежнему; если внутренніе распоряжки по землѣ и въ новыхъ, и въ старыхъ водвореніяхъ по прежнему будутъ предоставлены *обычаю*, то кого же станемъ винить—ко-

лонистовъ ли, которыхъ иные упрекаютъ въ неисполненіи какихъ-то quasi-наставническихъ обязанностей, или самихъ себя, что для насъ не имѣютъ силы даже наши же собственные, наиболѣе удачные опыты *сознательно-разумнаго* сельскаго устройства?!

Теперь, читатель, появленіе настоящаго изданія сдѣлалось, быть можетъ, понятнымъ; а если бы оно, хотя въ малой долѣ, оказало содѣйствіе удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ объ окончательномъ, и прежде всего *экономическомъ* устройствѣ нашихъ крестьянъ, то мы сочли бы себя и вполнѣ вознагражденнымъ за нашъ трудъ.

Въ заключеніе просимъ смотрѣть на этотъ трудъ именно только, какъ на «опыты и матеріалы», не требуя ни строгой системы, ни полной разработки частныхъ, — этихъ необходимыхъ условій вполнѣ научнаго, историко-статистическаго сочиненія. Не принадлежа къ числу корифеевъ науки, мы взяли за изслѣдованіе миниатюрной лишь страницы нашей бытовой истории исключительно въ тѣсной рамкѣ иностранной колонизаціи. Тѣмъ не менѣе мы нашли здѣсь груды сырого еще почти никѣмъ не тронутаго матеріала. Разбросанный въ пол. собр. законовъ, по архивамъ, канцеляріямъ и мало извѣстнымъ брошюрамъ и органамъ періодической печати, такой матеріалъ не легко и не сразу поддается вполнѣ систематической обработкѣ, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ намъ приходилось или остается еще дополнять его мѣстными свѣдѣніями и изслѣдованіями. Къ тому же наши труды хотя и совпадали съ занятіями ех offiціо, но только отчасти и притомъ въ одномъ извѣстномъ направленіи. И до сего времени для насъ открыты еще не все архивы и канцеляріи; не все желательныя мѣстные изслѣдованія для насъ доступны, а самыя занятія наши, по необходимости, отличались урывочностью. Такимъ образомъ не мало, крайне интереснаго матеріала мы, волей неволею, оставили или нерозысканнымъ, или нетронутымъ, или же коснулись его только слегка, мимоходомъ. Но положивши *первое основаніе* всесгороннему анализу нашего иностранно-колонизаціоннаго дѣла и рассчитывая продолжать занятія въ принятомъ направленіи, быть можетъ, даже при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, мы надѣемся не только повѣрять себя и наши собственные выводы, но дать полнѣйшую къ тому возможность и читателю, интересующемуся обсуждаемыми нами вопросами объ истинномъ значеніи политически-самостоятельнаго, граждански-полноправнаго и экономически-организованнаго, обеспеченнаго промысло-земледѣльческаго состоянія, какъ главнѣйшей, самой существенной основы всякаго нормально-развивающагося государства.